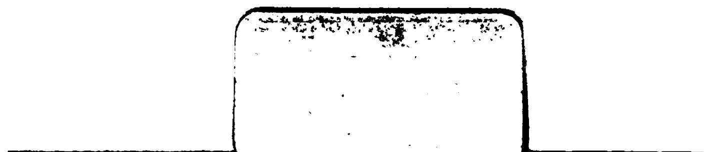

СЕРГѢЙ КРЕЧЕТОВЪ

АЛАЯ КНИГА

СЕРГѢЙ КРЕЧЕТОВЪ. АЛАЯ КНИГА.
СТИХОТВОРЕНІЯ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРИФЪ“.
МОСКВА. 1907 ГОДЪ.

АЛАЯ КНИГА.

АЛАЯ КНИГА.

ДРАКОНЪ.

Между скалъ, въ ущельи мглистомъ,
Тмя дыханьемъ небосклонъ,
Съ ярымъ шипомъ, съ тяжкимъ свистомъ
Вьется огненный драконъ.

Много лѣтъ подъ нимъ во прахѣ
Стыли мертвыя поля,
И молчала въ рабскомъ страхѣ
Истомленная земля.

Но пока въ туманѣ черномъ
Мракъ и ночь скрывали даль,
Я сковалъ за тайнымъ горномъ
Гнѣзно-блещущую сталь.

Въ томъ клинкѣ навѣкъ отмѣченъ
Синій свѣтъ моихъ обидъ,
Краснымъ золотомъ изсѣченъ
Обликъ древнихъ Эвменидъ.

Не страшится чаръ дракона
Тотъ властительный закалъ.
Тамъ, гдѣ дремлетъ мечъ закона,
Судію смѣнитъ кинжалъ..

И когда горячей крови
Ширь полей вспоитъ волна,
Всколосись въ зеленой нови,
Возрожденная страна!

БѢГЛЕЦЪ.

Куда бѣжать? Нѣтъ больше силъ,
И льется кровь волной пурпурной.
Я здѣсь одинъ среди могилъ,
Склоненъ надъ каменною урной

Не слышно вражескихъ шаговъ.
Чуть внятенъ шумъ далекой схватки.
У покосившихся крестовъ
Мерцаютъ красныя лампадки.

Пылаютъ раны, какъ въ огнѣ,
И смертной жаждой сводитъ губы.
Надгробный ангелъ къ вышинѣ
Возноситъ мраморныя трубы.

И кровь моя въ земную грудь
Проникла ядомъ лютой злобы,
И дрожью мести злая жуть
Смутила дремлющіе гробы.

Все шепчутъ, шепчутъ, чуть слышны,
И вотъ слились въ призывный голосъ:
Возстань! Карай враговъ страны,
Какъ острый серпъ срѣзаетъ колосъ!

И въ жаждѣ пламенныхъ чудесъ
Иду, исполненъ новой силой.
Шуми за мной, зеленый лѣсъ,
Надъ обагренною могилой!

Гранаты огненный языкъ
Прорѣжетъ темень небосклона...
Впередъ! Туда, гдѣ шумъ и крикъ,
Гдѣ плещутъ красныя знамена!

БРУТЪ.

Такъ! Ты избѣгъ земного тлѣнья.
Живи въ вѣкахъ, великій Брутъ!
Какъ факелъ радостнаго мщенья,
Тебя народы воспоютъ.

Собой полъ-міра тяготила
Тирана тяжкая пята,
Но ты возсталъ И вотъ могила
Сомкнула дерзкому уста.

Сенатъ клонился боязливый,
Всесильный страхъ царилъ въ сердцахъ.
Кинжалъ сверкнулъ вольнолюбивый.
Кто нынче—Цезарь, завтра—прахъ.

Твой трупъ—добыча вражья стана
Подъ шумъ измѣнчивой молвы.
Но не приспѣшникамъ тирана
Коснуться гордой го[illegible]ы.

И въ этотъ мигъ, когда развѣялъ
Твой хладный пепелъ вѣтръ полей,
Твой гордый призракъ въ выси рѣялъ
Въ вѣнцѣ сверкающихъ лучей.

Такъ! Ты избѣгъ земного тлѣнья,
Живи въ вѣкахъ, великій Брутъ!
Какъ факелъ огненнаго мщенья,
Тебя народы воспоютъ.

КОРОЛЕВА МАДДАЛЕНА.

БАЛЛАДА.

Плохо спится Маддаленѣ
Въ пышно убранномъ дворцѣ.
Взоръ бѣжитъ дремотной лѣни,
Зыбкій свѣтъ колеблетъ тѣни
На встревоженномъ лицѣ.

Кто тамъ стонетъ за стѣнами,
Безысходенъ и унылъ?
Это—вѣтеръ надъ крестами,
Надъ несчетными рядами
Неоплаканныхъ могилъ.

Что за мгла неотвратимо
Обвила надъ ложемъ сѣнь?..
Вотъ клубится... Мимо! Мимо!
Это тянетъ чернымъ дымомъ
Подожженныхъ деревень.

Что прикованъ взглядъ упорный
Къ этимъ сводамъ, вновь и вновь?
Тьмой завѣшенъ сводъ узорный.
Тамъ туманъ густѣетъ черный.
Боже! Каплетъ, каплетъ кровь.

Дрогнулъ звонъ... Ужель измѣна
Въ замокъ мой войдетъ сюда!
Гулкихъ волнъ рыдаетъ смѣна.
Маддалена! Маддалена!
Это—колоколъ суда!

И не спится Маддаленѣ
Въ раззолоченномъ дворцѣ.
Взоръ бѣжитъ дремотной лѣни,
Смутный свѣтъ колеблетъ тѣни
На испуганномъ лицѣ.

МОГИЛА ГЕРОЯ.

Островъ черный, островъ дикій!
Здѣсь для взора нѣтъ усладъ.
Но удѣлъ его великій
Охранять завѣтный кладъ.

Надъ пустынною могилой
Я стою... А тамъ, вдали,
Вижу, чайкой быстрокрылой
Пробѣгаютъ корабли.

Шумъ прибоя, еле слышенъ,
Сторожитъ священный прахъ,
И торжествененъ и пышенъ,
Гаснетъ пурпуръ въ небесахъ.

Блѣдный трупъ въ гробу сосновомъ
Здѣсь зарыли палачи.
О, готовьтесь къ битвамъ новымъ!
Куйте острые мечи!

Было много силъ разбитыхъ.
Пусть сильнѣе рокъ разитъ!
Въ этихъ камняхъ, въ этихъ плитахъ
Пламень вольности сокрытъ.

Этотъ пламень мы отроемъ.
За волной придетъ волна,
И завѣютъ надъ героемъ
Алымъ шелкомъ знамена

. . . .

Но надъ славною могилой
Тихо все... А тамъ, вдали,
Вижу, чайкой бѣлокрылой
Убѣгаютъ корабли.

НАПУТСТВІЕ

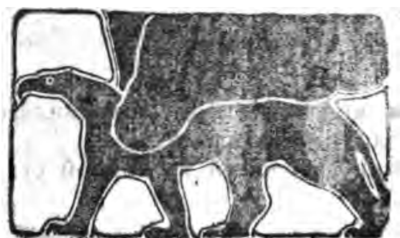
Братъ! Пора! Сомкнуты звенья..
Часъ пробилъ. Дерзай! Умри!
Выходи гонцомъ отмщенья
Съ первымъ трепетомъ зари.

Тотъ, кто смѣетъ, тотъ, кто можетъ,
Пусть за всѣхъ умретъ одинъ.
Рабъ годами цѣпи гложетъ.
Мигъ! и сгинулъ властелинъ.

Пусть конецъ тебѣ пророчитъ
Сонмъ безчисленныхъ могилъ!
Злой клинокъ тебѣ отточитъ,
Ангелъ смерти, Азраилъ.

Всѣмъ уставшимъ, всѣмъ гонимымъ
Есть надежный талисманъ.
Властенъ онъ развѣять дымомъ
Все, чѣмъ царствуетъ тиранъ.

Передъ знакомъ возрожденья
Преклонись и славословь!
Вѣченъ символъ искупленья,
Въ жертву пролитая кровь.

ОДИНОКІЙ.

Ты затихаешь, мой Римъ... Дневные смолкають шумы,
Вечерняя сходитъ прохлада.
Иду я неспѣшно заросшей тропинкой стараго сада.
Темнѣетъ...
Вдали огневѣетъ
Прощальной лаской заката мраморный портикъ дворца
и семнадцать ведущихъ къ нему ступеней.
Идутъ со мною вечернія думы,
Печалью повитыя думы,
Вдоль тихихъ аллей.
Вотъ, полускрытый темными пиніями,
Строгими линіями
Бѣлѣетъ алтарь, перевитый плющомъ.
На немъ
Не сжигають давно аромата...
„Богу, чье имя невѣдомо" — вырѣзалъ я на гранит-
номъ подножьи когда-то.
А нынѣ
Жгучимъ вѣтромъ пустыни
Выжгло въ душѣ моей тихую радость милыхъ чудесъ.
Закрылась навѣки въ страну осіянную дверь.
Теперь
Я не мечтаю о чудѣ.

И Богъ для меня—лишь Тѣнь, что придумали люди,
Чтобъ ей населить пустынность небесъ.
А вотъ
Нахмуренный гротъ
Съ застывшимъ, какъ черный хрусталь, водоемомъ.
За колоннами входа паутиной густѣетъ мгла...
О, сколько разъ, на этой скамьѣ, движеньемъ знакомымъ,
Помню, бросала она мнѣ на плечи свои руки любимыя.
Она умерла! Умерла...
Неудержимыя
Слезы текутъ сквозь прижатые блѣдные пальцы, снова и снова.
Кругомъ тишина... Ничье ненужное слово
Памяти той не обидитъ.
Этихъ слезъ никто не увидитъ.

НЕЛЮБИМЫЙ.

Я думалъ, ты скажешь то слово,
Когда я, гремя и блистая, къ тебѣ подскакалъ
на побѣдной моей колесницѣ,
Обогнувъ ристалища грань, золотые столпы.
Я видѣлъ, дрожало оно на губахъ, сорваться
готово...
При кликахъ толпы
Тебѣ, какъ царицѣ,
Я бросилъ къ ногамъ мой вѣнокъ, что даютъ
побѣдителямъ.
Но въ небо твой взглядъ устремленъ,
Къ нездѣшнимъ обителямъ.
Молчишь. Замерла. Прозрачный виссонъ,
Какъ сонъ,
Твой станъ обвиваетъ волнами алыми.

Темнѣетъ... Одинъ, въ колесницѣ, влекомой ко-
нями усталыми,
Медленно я приближаюсь къ дворцу моему.

Холодъ и тьму
Несу я съ собой.
Я буду одинъ. И пока не зажжется улыбкой
востокъ золотой,
Я буду бродить до утра по пустыннымъ покоямъ,
Стокрылымъ роемъ
Горестныхъ мыслей томимый.
Я—нелюбимый.

ИЗГНАННИКЪ.

Обнявъ руками колѣни, изгнанникъ, сижу на холодномъ пескѣ.
Невдалекѣ
Громадой нѣмой чернѣютъ утесы.
Тамъ, въ пещерѣ сырой, меня ждетъ мой темный пріютъ.
Предо мной—многошумное море,
Пустынное море.
Надъ бѣлыми гребнями волнъ скользятъ альбатросы.
О моемъ неумирающемъ горѣ
Волны поютъ.
Бѣлая пѣна ласкаетъ мои блѣдныя ноги.
Въ этотъ часъ
Въ тысячный разъ
Я вспоминаю о миломъ быломъ, что взяли жестокіе боги.

—

Помню я лѣтнюю ночь... Сладкій запахъ цвѣтовъ...
Шепотъ немолчныхъ струй изъ мѣдной пасти тритона,

Въ лунномъ свѣтѣ горитъ серебромъ бассейна
зеркальное лоно,
И тиховѣйна,
Надъ мраморной чашей бассейна
Шепчетъ листва.
„Милый! Люби же! Люби!“ И тѣла опьяненныя,
Восторгомъ и болью сплетенныя,
Росой окропленныя
Объемлетъ трава.

—

Волны народа—какъ волны морскія.
Живая стихія
Все кругомъ залила стоцвѣтнымъ потокомъ.
Высоко надъ ней,
На золотой колесницѣ, правя четверкой бѣлыхъ
коней,
Въ лавровомъ вѣнкѣ, взирая спокойнымъ окомъ,
Стою, вознесенъ надъ всѣми, властитель.
Я—побѣдитель.
Гудитъ земля. То желѣзный шагъ легіоновъ.
Люди жаждутъ законовъ.
Я дамъ имъ законъ,
Непреложный, подобный граниту.
Въ его защиту
Сто тысячъ мечей сверкнутъ изъ ноженъ.

—

Волны приходятъ одна за другой. Стелется бѣлая пѣна,
Пѣнныя руны слагаетъ у ногъ Смыслъ ихъ: „измѣна“
Жалобенъ крикъ гальціоны надъ темными водными нивами.
Золотыми отливами
Гаснутъ вдали уходящіе блески заката.
Сердце печалью объято
Нечего ждать мнѣ, жалкому страннику,
Изгнаннику.

I

ПѢСНЬ О МЕРТВОМЪ КОРОЛѢ.

Удары дружные веселъ
Бороздятъ морскія поля.
На сѣверъ дальній уносимъ
Горестный прахъ короля.

Лежитъ онъ въ шлемѣ крылатомъ.
Надъ пучиной меркнетъ заря.
Въ его серебряныхъ латахъ
Дробится блескъ янтаря.

И тихо вздыхаютъ струны,
И вторитъ вѣтра напѣвъ.
Онъ умеръ, мощный и юный,
Свой путь свершить не успѣвъ.

Онъ палъ не въ битвѣ кровавой.
Не въ бою обрѣлъ онъ покой.
Онъ выпилъ кубокъ съ отравой,
Поднесенный любимой рукой.

Скрипя, сгибаются мачты,
Вечерѣютъ морскія поля.
О, дѣвы, юноши, плачьте
Надъ тѣломъ нѣмымъ короля!

За туманами холодными,
За хребтами льдяныхъ плитъ,
Мы найдемъ скалу безплодную,
Гдѣ лишь волны да гранитъ.

Тамъ покой Владыки мертваго
Не встревожитъ чуждый взоръ.
Только плещутъ волны гордыя,
Моря царственный просторъ.

Пусть онъ спитъ на ложѣ каменномъ,
Крѣпко очи затворя,
И на латахъ краснымъ пламенемъ
Стынетъ вѣчная заря.

ПОБѢДИТЕЛЬ.

Владимиру Линденбаумъ.

Строй ступеней весь измѣренъ,
Долгимъ звономъ стонетъ мѣдь.
Я пришелъ, обѣту вѣренъ,—
Побѣдить и умереть.

Черной грудью злобно дышетъ
Неба траурный покровъ.
Тамъ, внизу,—прибой колышетъ
Гребни пѣнные валовъ.

Опущу спокойно вѣжды,
Руки блѣдныя простру.
Буря рветъ мои одежды,
Плащъ мой бьется на вѣтру.

Змѣи тучъ ползутъ надъ башней.
Вольно дышется груди,
Все, чѣмъ жилъ,—какъ сонъ вчерашній,
Все осталось позади.

Черной птицей, черной птицей
Что-то сумракъ прочертитъ.
Дрогнувъ, мѣсяцъ блѣднолицый
Мертвый взоръ свой отвратитъ.

Только волны въ часъ послѣдній,
Разбиваясь о скалу,
Возгласятъ еще побѣднѣй
Дерзновенному хвалу.

Строй ступеней мной измѣренъ,
Вѣщимъ звономъ стонетъ мѣдь,
Я пришелъ, обѣту вѣренъ,
Побѣдить и умереть.

ПОСЛѢДНІЙ СУДЪ.

Единственному другу.

Тамъ, гдѣ берегъ дикъ и грозенъ,
Лишь пробьетъ знакомый часъ,
Межъ стволами черныхъ сосенъ
Заблеститъ кровавый глазъ.

Далеко кругомъ застонетъ,
Зашумитъ дремучій боръ.
Сумракъ мертвенный разгонитъ
Яркимъ пламенемъ костеръ.

Я приду къ нему, усталый,
Скованъ властью темноты.
Ляжетъ отблескъ ярко-алый
На недвижныя черты.

Станетъ ясна мнѣ впервые
Счастья тайная игра.
Пляшутъ струи огневыя
Въ дымныхъ отсвѣтахъ костра.

Обовьютъ ночныя тѣни
Пестро-огненный узоръ,
Я прочту въ невѣрной смѣнѣ
Мой послѣдній приговоръ.

Лишь подъ сѣрою золою
Змѣи красныя уснуть,
Я недрогнувшей рукою
Совершу мой правый судъ.

Нѣжнымъ блескомъ перламутра
Вновь зардѣютъ небеса,
И заглянетъ тихо утро
Въ остеклѣвшіе глаза.

ДВА МІРА.

„Для Господа тысяча лѣтъ, яко день единъ".

За море солнце садилось.
Море безмолвьемъ объято.
Тихая даль золотилась
Рдяной печалью заката.

Ангеловъ бѣлыя крылья...
Въ сводахъ небеснаго храма
Вьется серебряной пылью
Съ моря туманъ фиміама.

Берегомъ шелъ я песчаннымъ.
Что-то въ душѣ наростало.
Старое вѣчно желаннымъ
Вновь предо мной возставало.

Прорвана міра граница!..
Плещутся волны эфира.
Мчусь я, какъ мощная птица,
Къ берегу дальняго міра.

Вотъ я средь плѣна людского,
Идутъ такъ медленно годы,
Тлѣетъ подъ пепломъ земного
Отблескъ забытой свободы.

Долго я жилъ... Но нежданно
Что-то въ душѣ задрожало.
Старое вѣчно-желанно
Вновь предо мною возстало.

Мигъ дерзновенный усилья!..
Плещутся волны эфира.
Мчатъ меня легкія крылья
Къ берегу прежняго міра.

. . . .

Снова тамъ солнце садилось.
Море раздумьемъ объято.
Ясная даль золотилась
Рдяной печалью заката.

КУБОКЪ.

Владимиру Рубинштейнъ.

Когда я выпью кубокъ пѣнный
И въ немъ увижу глубину,
Возьму свой посохъ неизмѣнный
И брошу прежнюю страну.

Пойду звѣриными тропами,
Въ тѣни раскидистыхъ дерёвъ,
Пойду упорными стопами
На звуки дальнихъ голосовъ.

Кругомъ шуршатъ сѣдыя травы,
И смутенъ зыбкій шумъ лѣсной...
Но вотъ вдали заблещутъ главы
Червонно-яркой полосой.

И разомъ длительные годы
Померкнутъ въ памяти, какъ сонъ.
Войду подъ сумрачные своды,
Гдѣ вѣетъ сонностью временъ.

И, опустившись на колѣни,
Паду, усталый пилигримъ,
На полустертыя ступени,
Послѣднимъ пламенемъ томимъ.

И все, что цѣпкой пеленою
Давно окутало меня,
Растаетъ блѣдною волною,
Какъ таетъ воскъ въ струяхъ огня.

И, внемля медленное пѣнье
И звонъ серебряный кадилъ,
Я буду вырванъ въ то мгновенье
Изъ власти отошедшихъ силъ.

Разгонятъ красныя лампады
Вліянья тягостнаго сна,
И тщетно будетъ вдоль ограды
Бродить безмолвный Сатана.

СТРАННИКЪ.

Щитъ изсѣченъ. Шлемъ изогнутъ,
Въ ранахъ грудь бойца.
Иль мечты мои не дрогнутъ
Радостью конца?..

[illegible] сдвинуты границы,
Тайна добыта.
Чуть блестятъ, полуоткрыты,
Мѣдныя врата.

Шагъ увѣренъ. Взоръ спокоенъ.
Мнѣ ли ждать у вратъ?
Кто свершилъ свой путь, какъ воинъ,
Не пойдетъ назадъ.

Такъ прими, о край печали,
Странника приходъ.
Тусклы—свѣты. Блеклы—дали.
Блѣденъ небосводъ...

Шагъ еще... Я знаю, гдѣ ты,
Сладостный ночлегъ.
Далеко простерся Леты
Заповѣдный брегъ.

Помню я, подъ говоръ елей,
Въ дѣтствѣ снился мнѣ
Блѣдный пурпуръ асфоделей
Въ грустной тишинѣ.

Сбылась сказка старыхъ былей,
Сбылся давній сонъ.
Тихимъ плескомъ нѣжныхъ крылій
Воздухъ напоенъ.

Темный лѣсъ молчанью внемлетъ,
Тайну затая.
Межъ полей беззвучно дремлетъ
Сонная струя.

Тамъ паду съ побѣднымъ смѣхомъ
На поблекшій мохъ,
И провѣетъ тихимъ эхомъ
Мой послѣдній вздохъ.

УЗНИКЪ.

Лидіи Рындиной.

Крѣпка желѣзная рѣшетка
Въ моемъ окованномъ окнѣ,
И прутьевъ сѣть чернѣетъ четко
Въ узорахъ лунныхъ на стѣнѣ.

Стою печальный и суровый,
Замкнутъ навѣкъ средь тяжкихъ плитъ,
Но нѣкій трепетъ жизни новой
Вездѣ таинственно разлитъ.

Тамъ, за окномъ, цвѣтутъ сирени
И дышетъ сонная трава,
И вѣтеръ, влажный и весенній,
Едва колышетъ дерева.

Но, чу! Шаги! Звучатъ ступени,
И слабо своды озаря,
Въ углахъ колеблетъ ночи тѣни
Мгновенный отблескъ фонаря.

А, это ты, мой врагъ надменный,
Мой ненавистный властелинъ.
Насъ было двое во вселенной,
И вотъ—я палъ, и ты—одинъ.

Что вижу? Руки простираешь?
Во прахъ склонился головой?
Ты раздѣлить мнѣ предлагаешь
Вѣнецъ и скипетръ мiровой.

Но мнѣ презрѣнъ твой даръ случайный,
Не надо царскаго меча.
Кто вѣдалъ счастье Высшей Тайны,
Не будетъ братомъ палача.

И въ дни томительной тревоги
Когда немолченъ зовъ минутъ,
Въ твои продажные чертоги
Мои мечты не притекутъ.

Ушелъ... И дверь гремитъ въ затворахъ,
И я одинъ межъ прежнихъ думъ.
Стихаетъ въ дальнихъ корридорахъ
Шаговъ чуть слышныхъ смутный шумъ.

А за окномъ цвѣтутъ сирени,
И дышетъ сонная трава,
И вѣтеръ, влажный и весеннiй,
Едва колышетъ дерева.

АРГОНАВТЫ.

Мертвы и холодны равнины морскія,
И небо завѣшено блѣднымъ туманомъ,
И ночи и дни вѣковая стихія
Стремитъ корабли къ заколдованнымъ странамъ.

Раскинутъ широко просторъ изумрудный.
Шумитъ за кормой жемчуговая пѣна,
И вѣяньемъ влажнымъ насъ вѣтеръ попутный
Уноситъ все дальше отъ стараго плѣна.

Нестрашны намъ бури и отдыхъ невѣдомъ.
Намъ любо летѣть надъ бездонной пустыней.
Чертятъ корабли неизвѣданнымъ слѣдомъ
Свободныя шири безбрежности синей.

Отважнымъ награда—руно золотое.
Надъ тѣми, кто ищетъ, невластна измѣна.
Неси насъ къ побѣдѣ, о море святое!
Шуми за кормой, жемчуговая пѣна!

РУБИКОНЪ.

Ночь тиха. Глядятъ на землю
Звѣзды ясной чередой.
Я пустынѣ молча внемлю...
Шелестъ травъ и шумъ лѣсной...

Лунный лучъ струисто блещетъ
Четкой сталью копія.
Подъ копытомъ тихо плещетъ
Говорливая струя.

И внезапною тоскою
Духъ тревожный омраченъ.
Что таится за тобою,
Молчаливый Рубиконъ?

Или станъ мой плащъ пурпурный,
Царскій пурпуръ обойметъ,
Или холмъ съ недавней урной
Миртъ печальный обовьетъ.

Слышу вздохи. Слышу стоны,
Зовы вѣщіе могилъ.
И надъ брегомъ Рубикона
Вѣютъ крылья тайныхъ силъ.

Поздно! Поздно! Жребій—кинутъ.
Рокъ гудитъ надъ головой.
И вскипѣлъ потокъ, раздвинутъ
Коней грудью боевой.

ОСТРОВЪ ЗАБВЕНЬЯ.

Еленѣ Барятинской.

Есть островъ на морѣ далекомъ,
Покоемъ забвенья объятъ.
Тамъ виденъ во снѣ одинокомъ
Могилъ бѣломраморныхъ рядъ.

Тамъ люди и звѣри безмолвны,
Не стонетъ тамъ вѣтеръ ночной.
Катя полумертвыя волны,
Молчитъ и не бьется прибой.

И звонкими пѣснями птицы
Не будятъ зеленыхъ полей,
И, молча, тѣней вереницы
Уходятъ въ безмѣрность аллей.

И тотъ, кто на островъ прибудетъ
И ступитъ на берегъ нѣмой,
Себя навсегда позабудетъ
И внидетъ въ послѣдній покой.

И станетъ, безъ думъ и безъ горя,
Влекомъ неизбѣжнымъ концомъ,
У берега соннаго моря
Сидѣть съ неподвижнымъ лицомъ.

Есть островъ на морѣ далекомъ,
Поксемъ забвенья объятъ.
Тамъ виденъ во снѣ одинокомъ
Могилъ бѣломраморныхъ рядъ.

РАСПЛАТА.

Моему врагу.

Пьяной дремою степной
Вѣетъ въ воздухѣ ночномъ.
Сонный тополь подъ луной
Весь струится серебромъ.

Погоди, мой милый другъ!
Дышетъ влажная листва.
Обведенъ волшебный кругъ,
Мѣрно падаютъ слова.

Мчусь я вихремъ въ вышинѣ.
Не спасетъ твой тихій домъ!
Свищетъ въ уши мнѣ,
Разсѣкаемый плащомъ.

Вотъ достигъ, влетѣлъ, прильнулъ.
Пляшетъ въ сердцѣ алый хмель.
Хрипъ молчанье всколыхнулъ,
Смята мирная постель.

Смерти дрожь въ людскихъ чертахъ
Я читать давно привыкъ.
Кровь и пѣна на губахъ,
Синій высунутъ языкъ...

Вотъ застылъ. Въ зрачкахъ—испугъ.
Будетъ тамъ онъ навсегда.
Спи спокойно, милый другъ!
Спи до страшнаго суда.

СОНЪ ВИТЯЗЯ.

Еленѣ Батуевой.

Ярко рдѣютъ угли кровью,
Сумракъ льется изъ оконъ,
Къ золотому изголовью
Мечъ завѣтный прислоненъ.

И надъ ложемъ наклоненный,
Сонъ могучаго храня,
Тихо вѣетъ стягъ червленный
Въ красныхъ отблескахъ огня.

И герой въ тревожной дремѣ
Разметался тяжело,
И нахмурилось въ истомѣ
Богатырское чело.

Темный сонъ зловѣще дышетъ,
Надъ побѣдной головой,
Грезы черныя колышетъ
Тканью сумрачно-живой.

Видитъ... Рьяно мчатся кони
Съ дикимъ ржаньемъ вдоль полей,
Тяжкій мечъ звенитъ о брони,
Бранный кличъ гремитъ грознѣй...

Видитъ... Мертвая равнина...
Кто тамъ спитъ, копьемъ сраженъ?..
Взоръ застывшій исполина
Прямо въ небо устремленъ.

Въ чьемъ окнѣ не гаснутъ свѣчи?..
Плачетъ блѣдная краса,
И на мраморныя плечи
Пала черная коса.

Тихо рдѣютъ угли кровью.
Рвется сумракъ изъ оконъ,
Къ золотому изголовью
Мечъ завѣтный прислоненъ.

Я ЗНАЮ ОДИНЪ.

Нѣмая тѣнь легла на землю,
Въ туманѣ городъ потонулъ,
Въ дремотѣ тяжкой смутно внемлю
Далекой жизни чуждый гулъ.

Но только ночь на тверди синей
Свой звѣздный свитокъ развернетъ,
Ночной торжественной пустыней
Свершаю медленный полетъ.

Я вижу, взоръ склоняя долу,
Какъ по затихнувшимъ лугамъ
Навстрѣчу горнему престолу
Клубится блѣдный фиміамъ.

И слиты въ таинствѣ моленья
Дыханья неба и земли,
Какъ будто росы примиренья
На міръ усталый снизошли.

Но въ сонмахъ звѣздъ, другимъ невѣдомъ,
Мнѣ ясенъ горестный узоръ.
Полночный бархатъ яркимъ слѣдомъ
Прорѣзалъ красный метеоръ...

Пусть въ бриллiантовой порфирѣ
Горитъ заоблачный чертогъ!
Но я одинъ лишь знаю въ мiрѣ,
Что умеръ Богъ.

ДВА ЛИКА.

Грозны вопли непогоды,
Стонетъ бѣшеный прибой.
Я вхожу въ святые своды
Съ омраченною душой.

Благъ и кротокъ ликъ Мадонны
Въ мягкомъ отсвѣтѣ лампадъ.
Еле видимы, колонны,
Затѣненныя, стоятъ.

Я печальный. Я усталый.
Чую,—тайна снизошла.
Нѣжно льется сумракъ алый
Въ грань узорнаго стекла.

Я стою, скрестивши руки,
И съ поникшей головой.
Отчего жъ иные звуки
Снова властны надо мной?

И привычною мечтою
Я лечу въ далекій храмъ,
Гдѣ недвижною волною
Стынетъ черный фиміамъ.

Рядъ свѣтильниковъ багровыхъ
Зыблетъ огненный языкъ,
И въ дыму лампадъ лиловыхъ
Еле виденъ темный Ликъ...

Тамъ паду на хладный камень,
Весь дрожа, простертый ницъ.
Знаю, вспыхнетъ блѣдный пламень
Изъ-подъ дрогнувшихъ рѣсницъ.

Въ мигъ падетъ покровъ туманный,
И воспрянетъ въ блескѣ сферъ
Красотою несказанной
Осіянный Люциферъ.

О, зачѣмъ же грустью дальней
Сквозь побѣдный гулъ громовъ
Льется въ сердце все печальнѣй
Скорбный зовъ колоколовъ?

. . . .

Благъ и кротокъ ликъ Мадонны
Въ мягкомъ отсвѣтѣ лампадъ.
Еле видимы, колонны,
Затѣненныя, стоятъ.

КЪ ЖИВОЙ.

Е. М.

„Сила пара и электричества—ничто передъ бѣшеной силой отточенной воли".
Изъ одного разговора.

„Пускай холодною землею засыпанъ я...".
Лермонтовъ.

Я въ могилѣ схороненъ,
Обо мнѣ справляютъ тризны,
Но несетъ мнѣ вѣщій звонъ
Зовъ покинутой отчизны.

И когда подъ шумъ деревъ
Надо мной звучатъ молитвы,
Я ищу въ обрывкахъ словъ
Бредъ любви иль грохотъ битвы.

Слышу,—вновь въ душѣ моей
Грозный вихрь летитъ по струнамъ,
И опять въ дыму страстей
Сталъ я пламеннымъ и юнымъ.

Дрогнутъ крылья за спиной...
Тайный холодъ въ сердце канетъ.
Неподвижною волной
Ночь грозящая настанетъ.

Я лечу впередъ, впередъ,
Надъ безмолвною землею,
И за мной змѣится слѣдъ
Серебристой чешуею.

То, что было, не прошло.
Все покорно волѣ смѣлой...
Сквозь узорное стекло
Смутно виденъ пологъ бѣлый...

Я прильну къ устамъ твоимъ,
Опьяненный алой кровью,
Ночь пройдетъ, пройдетъ, какъ дымъ,
Между пыткой и любовью.

Истомишься до утра
Дрожью огненныхъ объятій...
Чу!.. Пѣтухъ... Летѣть пора
Мнѣ въ обитель мертвыхъ братій.

Вновь глубоко подъ землей
Я лежу. Сомкнуты вѣжды.
Сосны шепчутъ надо мной
Сказку бѣлую надежды.

И когда подъ шумъ дерёвъ
Надо мной поютъ молитвы,
Я ловлю въ узорахъ словъ
Бредъ любви иль грохотъ битвы.

ИНКВИЗИТОРЪ.

„Уныніе гражданъ достигло крайней степени, когда распространилась молва о полученномъ будто бы Папою доносѣ съ неопровержимыми доказательствами, что волкъ въ шкурѣ овечьей, проникшій въ ограду Пастыря, слуга дьявола, притворившійся его гонителемъ, дабы вѣрнѣе погубить стадо Христово, глава сатанинскаго полчища — есть не кто иной, какъ самъ великій Инквизиторъ".

„Воскресшіе Боги" *Д. Мережковскаго.*

Брожу задумчивъ и согбенъ,
Окутанъ черной власяницей.
Давно я свергъ желаній плѣнъ
И не воздамъ за зло сторицей

Во имя Бога на костеръ
Я шлю людей единымъ словомъ,
И, видя казнь, мой ясный взоръ
Горитъ веселіемъ суровымъ.

Но только полночь настаетъ,
Я вверхъ лечу, какъ листъ осенній,
На шабашъ правлю мой полетъ,
И рѣютъ вкругъ ночныя тѣни.

А тамъ кипитъ бѣсовскій пиръ,
Гремятъ привѣтственные клики,
Хохочетъ сатанинскій клиръ
У трона Чернаго Владыки.

Но вотъ желанный часъ приспѣлъ,
И я въ безумствѣ вожделѣній
Ласкаю груды женскихъ тѣлъ
Въ изгибахъ бѣшеныхъ сплетеній.

Когдъ-жъ въ объятьяхъ пылкихъ дѣвъ
Я голосъ страсти успокою,
Подъ ихъ торжественный напѣвъ
Прощаюсь съ блѣднымъ Сатаною.

И вотъ я снова у окна...
Такъ чутко спитъ нѣмая келья...
Въ углахъ смѣется тишина
Улыбкой страннаго веселья.

И льетъ невѣрные лучи,
Дымясь, свѣтильникъ у порога,
Ко мнѣ! Входите, палачи!..
Иду карать... Во имя Бога!

ЧЕТЫРЕ ЦАРИЦЫ.

ЦАРИЦА СТРАСТЬ.

Посв. Маринѣ.

Кроютъ волны дискъ багровый.
Небо тяжко, какъ свинецъ,
И на дальній боръ сосновый
Палъ зловѣщій багрянецъ.

И безгромное молчанье
Стало мертвой тишиной.
Лишь зарницы содроганье,
Отраженное водой...

Что намъ молній блескъ червонный,
Неба пламенная пасть!..
Поклоняюсь, изступленный,
Лишь тебѣ, Царица Страсть!

Мы идемъ, прижавшись близко,
Гдѣ-то крикнулъ коростель...
Стебли клонятся такъ низко,
Стелютъ брачную постель.

Таетъ въ чащахъ знойный шорохъ.
Взглядъ вливается во взглядъ.
Въ бѣлыхъ свадебныхъ уборахъ
Липы сонныя стоятъ.

Безконечнымъ поцѣлуемъ
Я къ устамъ твоимъ приникъ.
Тихимъ вѣяньемъ волнуемъ
Дрогнулъ радостно тростникъ.

Зной желаній клонитъ травы.
Рдѣютъ кровью облака.
Опьяненныя купавы
Нѣжитъ сладостно рѣка.

Разверзаетъ пламень блѣдный
Неба сумрачную пасть...
Но надъ ложемъ стягъ побѣдный
Развила Царица Страсть.

Кроютъ волны дискъ багровый.
Гаснетъ огненный вѣнецъ.
И на кручахъ боръ сосновый
Окровавилъ багрянецъ.

ЦАРИЦА НОЧЬ.

Дышетъ сумракъ серебристый,
Чутко спитъ застывшій садъ,
Легкихъ облакъ рой перистый
Краситъ пурпуромъ закатъ.

Снова таинство свершилось,
Тѣни смутныя сошли,
Тихо солнце затворилось
Въ лоно черное земли.

И въ зловѣщей колесницѣ,
Въ скачкѣ бѣшеныхъ коней,
Пролетаетъ Ночь Царица
Надъ безкрайностью полей.

Удержи твой бѣгъ священный!
О, скажи, Царица Ночь,
Иль твой сынъ, постыдно-плѣнный,
Долженъ въ рабствѣ изнемочь?

Иль не ты меня воззвала
Въ первый разъ убить въ раю,
Хладной сталью оковала
Душу темную мою?

И не ты-ль на битву съ Богомъ
Обрекла меня возстать,
Въ блескѣ сумрачномъ и строгомъ
Научила—презирать?

Такъ откинь твой звѣздный пологъ,
Дай прiять твои огни!
Скорбный путь, что сѣръ и дологъ,
Гнѣвной мощью осѣни!

Прянулъ въ душу огнь побѣдный.
Снова сердце—какъ гранитъ.
. . . .
. . . .
Таетъ въ небѣ отзвукъ блѣдный,
Звонъ серебряныхъ копытъ.

ЦАРИЦА МЕСТЬ.

Вѣщій серпъ въ небесномъ полѣ
Точитъ острые края.
Приковалась въ горькой долѣ
Мысль смятенная моя.

Вотъ припала къ изголовью,
Неотступная, твердитъ:
Утиши враждебной кровью
Боль несмолкшую обидъ.

Берегись, мой врагъ заклятый!
Блѣдный рокъ неотвратимъ.
Я иду къ тебѣ, крылатый
Злобой черною, какъ дымъ.

Подъ пятою никнутъ смѣлой
Травы бархатнымъ ковромъ.
Вижу, домъ съ оградой бѣлой
Блещетъ луннымъ серебромъ.

Пусть иной, душой покорный,
Жаждетъ рабство перенесть!
Узнаю твой саванъ черный.
Это ты, Царица Месть!

Сонно листьевъ трепетанье,
Въ домѣ тихо и темно,
Чуть доносится дыханье
Въ растворенное окно.

Что тамъ медлить!.. Мигъ сплетеній..
Заглушенная мольба...
Но не знаетъ сожалѣній
Разъяренная судьба.

Вотъ опять иду, усталый,
Влажно-бархатнымъ ковромъ,
На востокѣ отсвѣтъ алый
Споритъ съ луннымъ серебромъ.

И блаженнымъ вѣтромъ воли
Дышетъ мѣрно грудь моя.
Вѣщій серпъ въ небесномъ полѣ
Гаситъ блѣдные края.

ЦАРИЦА СМЕРТЬ.

Ясенъ день. Въ небесномъ кровѣ
Синь прозрачна и чиста.
Но не жаждутъ славословій
Воспаленныя уста.

Вотъ затмился сводъ лазурный,
И, съ полей взвивая прахъ,
Кто-то мчится, блѣдно-бурный,
Въ омраченныхъ небесахъ.

Опоясанъ черной мглою,
Кто-то дышетъ тяжело,
Тяжко зыблетъ надъ землею
Исполинское крыло.

И дрожа душой смущенной,
Внемлетъ стихнувшая твердь.
Это твой полетъ священный,
Это ты,—Царица Смерть!

О, развей твой блѣдный свитокъ
Ниспровергнутымъ въ пыли!
Дай испить святой напитокъ
Всѣмъ рожденнымъ на земли.

Пусть, ликуя, мы, какъ дѣти,
Обрѣтемъ твой правый судъ,
Да послѣдніе на свѣтѣ
Дни земные протекутъ!

И тотъ міръ, что въ долгой смѣнѣ
Ненавидѣлъ и страдалъ,
На порогѣ вѣчной сѣни
Встрѣтитъ радостно фіалъ.

ИСКАТЕЛЬ.

Я мчался по волнамъ морскимъ.
Громады вставали кругомъ.
И пѣна, и брызги, какъ дымъ,
Сливались зловѣщимъ кольцомъ.

Я крался по чащѣ лѣсовъ,
Во мракѣ сплетенныхъ вѣтвей,
И слышалъ томительный зовъ,
Протяжные стоны звѣрей.

Я былъ на излучинахъ горъ,
И тучи клубились у ногъ.
Я видѣлъ безмѣрный просторъ
И солнца лазурный чертогъ.

Я шелъ по безлюдью степей,
Въ безбрежности мертвыхъ песковъ,
И видѣлъ скелеты людей
И храмы умершихъ боговъ.

Я слышалъ во мракѣ ночномъ,
Какъ мѣрно дышалъ океанъ,
Лаская скалистый изломъ.
Прибрежье невѣдомыхъ странъ.

Но въ вихрѣ сплетеній земныхъ,
Въ измѣнчивой смѣнѣ годовъ,
Ловилъ я зарницы иныхъ,
Еще неразгаданныхъ сновъ.

ГОЛОСЪ НОЧИ.

Вѣтеръ воетъ за окномъ
О нездѣшнемъ, объ иномъ.

Полночь! Полночь! Ночь глухая! Слышу твой беззву-
чный крикъ,
Крикъ о томъ, чего не знаетъ и не выразитъ языкъ,

Вижу бездны... Вижу скалы... Вижу клочья облаковъ,
Слышу дальніе раскаты умирающихъ громовъ.

Вижу море... Пляска шквала... Между скалъ кипитъ
бурунъ,
Въ бѣлой пѣнѣ тонутъ мачты опрокинувшихся шкунъ.

Вижу мертвую пустыню. Слышу вѣтра злобный шумъ.
Въ дымно-траурной одеждѣ мчится бѣшеный самумъ.

Вижу полюсъ... Дремлетъ царство изумрудныхъ вѣч-
ныхъ льдовъ.
Лунный лучъ дробитъ узоры на кристальности снѣговъ.

. . . .

Я одинъ...О, ночь глухая! Слышу твой стоустый крикъ,
Крикъ о томъ, чего не знаетъ и не выразитъ языкъ.

ЛИДІИ.

Когда-то безднoю надмірной,
Въ толпѣ кочующихъ свѣтилъ,
Насъ вмѣстѣ влекъ потокъ эфирный
И ровный взмахъ пушистыхъ крылъ.

Отторгнутъ сумрачною властью,
Я жизни дольней отданъ въ плѣнъ,
Но образъ твой могучей страстью
Въ душѣ навѣкъ запечатлѣнъ.

И много лѣтъ въ тоскѣ напрасной
И въ плескѣ волнъ, и въ шумѣ нивъ
Ловилъ я тихій и неясный
Твой ускользающій призывъ.

Къ случайнымъ встрѣчамъ равнодушны,
Завѣтной вѣрные мечтѣ,
Сошлись мы, жребію послушны,
На рокомъ скованной метѣ.

Опять я твой. И мнится, снова
Въ толпѣ кочующихъ свѣтилъ,
Въ волнахъ потока голубого
Несетъ насъ летъ струистыхъ крылъ.

КРОВЬ.

Въ тающемъ сумракѣ пропасти черной
Вьется кровавый ручей,
Вьется лѣниво, струею покорной,
Въ немъ отражаются цѣпью узорной
Отсвѣты блѣдныхъ лучей.

Въ мѣрномъ паденьи струи неустанной,
Въ шопотѣ мертвой волны,
Прошлое близится, близится странно,
Снова живетъ—и уходитъ обманно
Въ тайну безвѣстной страны.

Медленно тянутся въ сумракѣ мглистомъ,
Дышутъ, бѣлѣя, цвѣты,
Грезятъ, отравлены скорбью о чистомъ,
Грезятъ и видятъ въ сіяньи лучистомъ
Радостный сонъ красоты.

НЕ ГОВОРИ.

Не говори, что я усталъ,
Не то желѣзными руками
Я гряну скалы надъ скалами
И брызнутъ вверхъ осколки скалъ.
Не говори, что я усталъ.

Не говори, что я страдалъ.
Иначе мой побѣдный хохотъ,
Какъ моря бѣшенаго грохотъ,
Вселенной сдвинетъ пьедесталъ.
Не говори, что я страдалъ.

Не говори, что я любилъ.
Не то кощунственною ложью
Я окровавлю правду Божью,
Любовь, которой міръ служилъ.
Не говори, что я любилъ.

Не говори, что я умру,
Не то я смерть низвергну съ трона,
Гремя, покатится корона,
Пятой во прахъ ее сотру.
Не говори, что я умру.

ЭТО БЫЛО.

Незабвеннымъ днямъ моей первой любви.

Тихая майская ночь... Звѣзды горятъ въ вышинѣ...
Въ небѣ, словно видѣнья, рисуются контуры сосенъ...
Все кругомъ замолчало. Но въ этомъ молчаньи
Море звуковъ таится...
Сладко намъ внимать безмолвію ночи.
Хочется что-то сказать... Слово дрожитъ на устахъ.
Призраки мыслей неясныхъ, мелькая нѣмой вереницей,
Тонутъ безслѣдно во мракѣ соннаго парка.
Нѣга разлита вокругъ... Что-жъ ты плачешь, дитя?..
«Больно любить»,—говоришь. Полно, не плачь, дорогая,
Все это сонъ,—порожденье томительной грезы.
Снова настало молчанье. А гдѣ-то безцвѣтныя тѣни
Мчатся, бѣгутъ, налетаютъ одна на другую
И, долетѣвъ, умираютъ въ мгновенномъ лобзаньи.
Все расплывается тихо, и призракъ холодный
Сердце мнѣ сжалъ безпощадно желѣзной рукою.
Гдѣ я видѣлъ ее,—эту безумную ночь?..
Тише... тише..

Я и ты—огонь и камень,
Но въ зрачкахъ твоихъ лишь разъ
Я узналъ знакомый пламень.
Вотъ блеснулъ, и вотъ погасъ.

Но я понялъ, что съ тобою,
Тайной властью сплетены.
Мы блуждали подъ луною
На поляхъ иной страны.

Но я понялъ, что отъ вѣка
Скованъ намъ единый путь,
И не волѣ человѣка
Неизбѣжность обмануть.

ВЕЧЕРЪ.

Вечеръ печальный окутанъ туманами.
Гаснетъ унылый закатъ.
Сердце не хочетъ жить только обманами,
Сердце не хочетъ утратъ.

Горьки рыданія моря тревожнаго,
Глухо вздыхаетъ прибой.
Сердце не хочетъ искать невозможнаго,
Сердцу желаненъ покой.

ВПЕРЕДЪ.

Смѣло двинемся, братья!..
Вѣтеръ рветъ паруса.
Буря воетъ проклятья,
Съ моремъ споритъ гроза.
Бросимъ берегъ туманный!
Любо мчаться впередъ!..
Свѣтъ намъ грезится странный
Насъ безвѣстность зоветъ.
Тамъ, за гранью заколдованной
Весь объятый вѣчнымъ сномъ,
Неподвижностью окованный,
Мертвый городъ мы найдемъ.
Межъ нѣмыми колоннадами
Тамъ стоитъ забытый храмъ.
Безконечными аркадами
Онъ восходитъ къ небесамъ.
Полны дерзкаго желанія,
Смѣлымъ шумомъ голосовъ
Мы смутимъ покой молчанія,
Тайну дремлющихъ вѣковъ.
И надъ каменной могилою
Тѣхъ, кто сгинули, какъ дымъ,
Съ неизвѣданною силою
Наше имя начертимъ.

НА РАСПУТЬИ.

Рыдаетъ звонъ колокольный,
Властный и внятный зовъ.
Шелъ я дорогой окольной
Такъ много долгихъ часовъ.

Храма отверстыя двери...
Виденъ темный алтарь.
Торжественно, въ ясной вѣрѣ
Діаконъ подъемлетъ орарь.

Волна кадильнаго дыма,
Клубясь, наполнила храмъ.
Молча прошелъ я мимо,
Навстрѣчу инымъ богамъ.

Сурово во слѣдъ глядѣли
Темные лики иконъ,
Но душой голоса владѣли,
Мечты неумолчный звонъ.

Летѣлъ печально за мною
Напѣвъ знакомыхъ стихиръ,
Но вдали влекущей волною
Голубой струился эфиръ.

И вольная пѣсня моря
Звала къ другимъ берегамъ,
И волны, съ волнами споря,
Ложились къ моимъ ногамъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Стр

Книгоиздательство

„ГРИФЪ".

I. Альманахъ „Грифъ". Москва, 1903. 1 р. (Распродано).

К. Д. Бальмонтъ. Только любовь. Стихи. Москва 1904. Обл. раб., М. Дурнова. 2 р. (Распродано).

Оскаръ Уайльдъ. Саломея. Пер. Л. и С. Андрусонъ, подъ ред. К. Д. Бальмонта. Обл. М. Дурнова. Москва, 1904. 1 р. (Распродано).

II. Альманахъ „Грифъ". Москва, 1904. 1 р. 25 к.

К. Д. Бальмонтъ. Горныя вершины. Статьи. Т. 1 Искусство и литература. Москва, 1904. Обл. М. Дурнова. 2 руб.

Андрей Бѣлый. Возвратъ. III симфонія. Обл. В. Владимирова. Москва, 1905. 1 руб.

Ѳ. Сологубъ. Книга сказокъ. Обл. М. Дурнова, 1905. 80 коп.

Александръ Блокъ. Стихи о Прекрасной дамѣ. Обл. В. Владимірова. Москва, 1905. 1 р.

А. Л. Миропольскій. Вѣдьма. Лѣстница. Поэмы. Предисловіе Андрея Бѣлаго. Обл. В. Владимірова. Москва, 1905. 1 р.

III. **Альманахъ „Грифъ“.** Обл. В. Владимірова, 1905. 1 р. 30 коп.

Оскаръ Уайльдъ. De profundis. Записки и письма изъ Рэдингской тюрьмы. Пер. Е. Андреевой. 1905. (Распродано).

К. Д. Бальмонтъ. Литургія красоты. Стихи. Обл. М. Сабашниковой. Москва, 1905. 2 руб.

К. Д. Бальмонтъ. Фейныя сказки. Дѣтскія пѣсенки 1906. 80 к.

Оскаръ Уайльдъ. Портретъ Доріана Грэя. Перев. Минцловой. Нумеров. изданіе съ рисунками М. Дурнова. Москва, 1906. 3 р.

Оскаръ Уайльдъ. Замыслы. Перев. Минцловой. Обл. раб. В. Миліоти. Москва, 1906. 1 р. 40 к.

А. Курсинскій. Сквозь призму души. Стихи и разсказы. Обл. Н. Сапунова. Москва, 1906. 1 р.

Л. Вилькина-Минская. Мой садъ. Сонеты и разсказы. Обл. раб. В. Миліоти. Москва, 1906. 1 р.

А. Кондратьевъ. Сатиресса. Миѳологическій романъ ц. 1 р.

Сергѣй Кречетовъ. Алая книга. Стихи.

Ѳедоръ Сологубъ. Истлѣвающія личины. Книга разсказовъ.—1 руб.

Готовятся:

- **IV. Альманахъ „Грифъ“. Молодые поэты.**
- **К. Бальмонтъ.** Горныя вершины. Т. II.
- **Нина Петровская.** Sanctus amor. Книга разсказовъ.
- **Осипъ Дымовъ.** Земля цвѣтетъ. Книга разсказовъ.
- **Владиславъ Ходасевичъ.** Молодость. Стихи.

Редакція: Москва, Арбатъ, Б. Николо-Песковскій пер., д. Голицына, кв. 28. Тел. 60—56.
Складъ. Москва, Арбатъ, 1-й Малый Николо-Песковскій пер., д. Пашинской, кв. 1. Завѣдующая Надежда Петровская.
При непосред. выпискѣ пересылка на счетъ К-ва «Грифъ».
Иногороднихъ просятъ выписывать черезъ складъ.
Книгопродавцамъ обычная скидка.

Редакторъ С. А. Соколовъ.

Зайцевъ, Л. Зиновьева-Аннибалъ, В. Зоргенфрей (В. Эоръ), профессоръ Ѳ. Ф. Зелинскій, П. К. Ивановъ, Вячеславъ Ивановъ, Н. Киселевъ, М. Кирiенко-Волошинъ (Максъ Волошинъ), Александръ Койранскій, Б. Койранскій, А. Кондратьевъ, прив.-доцентъ С. А. Котляревскій, Сергѣй Кречетовъ, Маркъ Криницкій, Б. Лесьмянъ, Владиміръ Линденбаумъ, Е. Лундбергъ, Сергѣй Маковскій, Н. М. Минскій, А. Л. Миропольскій, Мирэ, Муни, Н. А. Морозовъ, П. Муратовъ, И. Новиковъ, Одинокій, акад. С. Ѳ. Ольденбургъ, Нина Петровская, А. Печковскій, Борисъ Поповъ (Мизгирь), Н. Поярковъ, Алексѣй Ремизовъ, С. Сергѣевъ-Ценскій С. Соловьевъ, Ѳедоръ Сологубъ, В. Стражевъ, Петръ Струве, Н. Телешовъ, Г. Тверской, А. Федоровъ, Борисъ Фохтъ, Владиславъ Ходасевичъ, Юрій Череда, Андрей Чубаровъ, Георгій Чулковъ, Л. Шестовъ, С. Шумаковъ, Эллисъ, Конст. Эрбергъ, Е. Янтаревъ, прив.-доцентъ А. Ященко, С. Яремичъ и др.

Въ журналѣ помѣщаются статьи по вопросамъ философіи, искусства и общественности, стихи и разсказы.

ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЪ СЪ НОЯБРЯ 1906 Г.,

въ объемѣ отъ 6 до 7 печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на 1 годъ съ доставкой и пересылкой—4 руб., на полгода—2 руб. 25 коп., на 3 мѣсяца—1 руб. 20 коп. Для учителей, учащихся и служащихъ въ общественныхъ учрежденіяхъ при непосредственной подпискѣ черезъ редакцію цѣна понижена: на годъ—3 руб. 60 коп., на полгода—2 руб. на 3 мѣсяца—1 руб. За границу на 1 годъ—7 руб.

Отдѣльные №№ по 50 коп.

Подписка принимается и отдѣльные №№ продаются въ конторѣ редакціи, въ конторѣ Н. Печковской (Мо-

сква), въ книжномъ складѣ «Пресса», (Москва, Мясницкая, 35), въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, «Трудъ», Суворина, Карбасникова (Москва и Петербургъ), Центнершверъ и К° [Варшава, Маршалковская) и во всѣхъ крупнѣйшихъ столичныхъ и провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ.

Петербургское отдѣленіе конторы: книжный магазинъ И. И. Митюрникова, Литейный, 31.

Адресъ конторы и редакціи: Москва, уг. Пречистенскаго бульвара и Сивцева-Вражка, д. Тарасовой, кв. №1. Тел. 137-67. Для пріема подписки контора открыта ежедневно, кромѣ воскресеній и праздниковъ, отъ 11-ти до 3-хъ час. дня. Редакція для личныхъ объясненій открыта по пятницамъ отъ 1 до 4 ч. дня.

Принимаются объявленія по цѣнѣ 60 р.—страница.

Приглашаются агенты.

Редакторъ **Сергѣй Соколовъ.**

Издатель **Владиміръ Линденбаумъ.**

Москва.
Типографія

Ц. 60 к.

3 6105 016 422 912

